

Фан Дицзи, с комфортом устроившись на мешке с белым рисом, немного пришла в себя: Много лет назад, когда моя мать была еще жива, она учила меня, как притворяться гадалкой, чтобы выведывать обстановку в богатых домах. Хотя я и не была разбойницей, однажды, когда я была тяжело ранена и осталась без гроша, мне пришлось целый месяц продержаться на жизнь именно гаданием.

Чжан Хуа спросил: Матушка, как будет время, научи и меня.

Фан Дицзи почесала затылок и ответила: Я заставила тебя вызубрить «Цяолян шэньшу», изучить «Чжоу и», «Маи шэньсян», «Цзывэй доушу» и «Юйцзань цзи» — этого с лихвой хватит, чтобы водить людей за нос. Не так важно, сколько ты выучил, главное — уметь разбираться в людях и заговаривать им зубы. — Она снова почесала шею. — Когда я гадала вдовствующей императрице, каждое слово попадало в точку. На самом деле я толком не помню ни «Чжоу и», ни созвездия Цзывэй, просто наблюдаю за выражением лиц и поведением, почти как врачи традиционной медицины при осмотре.

Внезапно снаружи донесся голос Цзинь Унян: Четвертый, держи матушку!

Крышу повозки словно что-то ударило, а затем все стихло. Фан Дицзи знала, что ее дантянь разрушен, а зрение и слух притупились сильнее, чем у обычного человека, поэтому, даже если что-то произошло, она не могла этого заметить. Она посмотрела на лицо Чжан Хуа, который обнимал ее.

Лицо Чжан Хуа было мертвенно-бледным, даже хуже, чем у покойника.

Следом раздался громкие крики Чэнь Ляна и Ван Цяня: Цзинь У!

В тот же миг раздался оглушительный грохот, сотрясший землю, будто нечто тяжелейшее рухнуло вниз.

Фан Дицзи через щель в занавеске увидела, что они уже выехали из города, и вдруг все поняла: Он опустил тысяchefунтовую заслонку городских ворот, верно?

Губы Чжан Хуа дрогнули, он ответил: Да.

У Цзинь Унян в руках была сила тысячи фунтов, но разве может человек сравниться с настоящей тяжестью? Тысяchefунтовая заслонка названа так лишь для виду, на деле она весит куда больше.

Фан Дицзи вздохнула и молча отвернулась в угол. Тот проблеск жизни, что с таким трудом вернулся к ней, снова угас, сменившись пепельной мертвенностью. Она все поняла — больше не нужно было ни спрашивать, ни объяснять. Она осознала судьбу Цзинь Унян, судьбу всей их группы и нынешний замысел врага.

Чжан Хуа тоже все понял. Если бы он тогда не сумел снять цепи, два его брата до сих пор оставались бы в руках у премьер-министра, а у городских ворот тот заставил бы Цзинь Унян пожертвовать собой... Шаг за шагом загонять Фан Дицзи в одиночество — это было до ужаса просто.

В совершенном человеке должны присутствовать шесть искусств: ритуал, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и математика.

Фан Дицзи не была совершенным человеком, ее приемный сын Цянь-эр — тоже, но они много лет вращались среди столичной знати и внешне держались как отпрыски благородных семей, искушенные в науках и военном деле. Чтобы не отставать, дети обучались самому модному занятию — езде на колесницах. И хотя их учили управлять четверкой породистых коней, чтобы достигать рекордов, теперь, пересев на телегу, запряженную тройкой кляч, они тоже справились.

Чэнь Лян правил повозкой, Ван Цянь сидел рядом. Хэ Жу приподнял занавеску и заглянул внутрь: Матушка, не сердитесь на мою болтливость. В этой ситуации единственный способ обеспечить вам безопасность — это убить его.

Фан Дицзи промолчала.

Чжан Хуа тихо произнес: Кто пойдет? Чтобы совершить покушение, только Цзинь У мог бы преуспеть... Он и сам это знал.

Лицо Фан Дицзи дернулось, она сжала зубы и крепко зажмурилась, отказываясь говорить.

Чжан Хуа украдкой взглянул на нее и намеренно добавил: Хотя Цзинь У погиб ужасной смертью, по крайней мере, это было быстро, он не успел настрадаться, вам не стоит принимать это так близко к сердцу. Чжан Хуа не пытался красоваться или мстить — он все обдумал. Не так важно, когда именно убить премьер-министра, важно то, что если сейчас, когда она тяжело ранена и потеряла любимого приемного сына, не заставить ее принять решение, то потом, когда раны затянутся и боль притупится, премьер-министр, видя, что Фан Дицзи трудно достать, расставит новые ловушки. А матушка, будучи мягкосердечной и привязчивой, наверняка снова поддастся. Если удастся его убить — хорошо, если нет — это хотя бы заставит ее разорвать с ним связь навсегда.

Пусть матушка не сразу согласится послать людей на убийство, но если ее сердце окончательно остынет к нему, она станет подобна орлу в небе или дракону в море — ничто больше не сможет ее удержать.

Чэнь Лян, не задумываясь так глубоко, просто и мягко сказал: Матушка, дети знают, что вы не решались действовать из-за заботы о безопасности и положении родного сына, боясь, что

после его смерти вы в одиночку не удержите власть ни в суде, ни в цзянху, и семья окажется под угрозой. Но вы не можете вечно оглядываться на прошлое. Если вы умрете, разве он пощадит ваших детей? Неужели его чувства к ним глубже, чем к вам? Вы всю жизнь делили с ним горе и радость, поддерживали друг друга — об этом слагали легенды как о супружеской верности, но на самом деле? У каждого на уме свое, и никто не знает истинных намерений другого.

Вы думаете, он не причинит вреда вашему общему сыну, но вы также верили, что он никогда не поднимет на вас меч, поэтому каждый раз, встречаясь с ним, снимали мягкую броню, чтобы показать свою искренность. Но что он? Понимал ли он это? Был ли он достоин вас? Матушка! Он непредсказуем. Вы слишком глубоко привязаны к нему и не можете угадать, что он сделает.

Ван Цянь, сдерживая нетерпение, серьезно добавил: Старший брат прав! Матушка, не нужно с ним церемониться.

Чжан Хуа терпеливо продолжил: Старший прав. Посмотрите на это без оков супружества: разве такой человек, как он, оставит в живых троих детей, которые могут отомстить за мать? Тигр не ест своих детенышей, но человек — иное дело.

У меня не осталось к нему чувств, иначе я бы не подбирала ему наложниц ради собственного спокойствия. Дети, для меня всегда были важны лишь боевые искусства, власть и богатство, а он был просто редким талантом, — холодно ответила Фан Дицзи. — Но теперь я лишилась всего, что мне было дорого. Цзинь У погиб, я ослеплена гневом, и не знаю, верно ли мое решение.

Она произнесла это с горечью, но предельно откровенно: Я никогда не была в столь унижительном положении и не знаю, что делать. Я уже не юна. Раньше, сколько бы дел я ни совершила, как бы далеко ни бежала и сколько бы людей ни убила, я не знала усталости. Порой, чем больше было трудностей и опасностей, тем бодрее я себя чувствовала. Мне казалось, мои силы неисчерпаемы. Но я всего лишь человек, к тому же старей, полный боли и тревог.

Я всю жизнь боролась, пролила больше крови и пота, чем десять других людей вместе взятых. Но теперь я вынуждена скрываться и бежать, словно дикий зверь, преследуемый охотником... Когда-то я владела огромными землями, а теперь мне негде приклонить голову. Самое обидное, что охотник, преследующий меня, — мой ученик, и гончие, что гонят меня, — тоже обучены мной.

Мое состояние, мое имя, власть, мои слуги — все, что я любила, теперь принадлежит другим. Но пока я жива, я смогу все вернуть. Цзинь У погиб, я не хочу, чтобы вы последовали за ним.

Ван Цянь поспешно воскликнул: Матушка, мы, четверо братьев, не боимся умереть за вас! Нам нужно лишь, чтобы вы жили — как прежде, с тем же бесстрашием, способным сотрясать небеса, прокладывая дорогу сквозь горы и реки. Если вы будете жить и побеждать, наши

смерти будут не напрасны. Вы — герой нашего времени, вы не должны пасть духом.

Я знаю. Я не подведу ни Цзинь У, ни вас троих. Мои хорошие сыновья, вы поистине золотые дети, — Фан Дицзи закрыла глаза. — Чжан Хуа останется со мной. Чэнь Лян, Ван Цянь, вы двое — приложите все усилия, используйте любые средства, чтобы убить премьер-министра. Если не получится — сделайте так, чтобы весть об убийстве жены разнеслась повсюду.

Ван Цянь пришел в восторг и принялся усердно готовиться: точить ножи, смазывать их ядом, менять облик.

Чэнь Лян, как всегда покорный, с тревогой спросил: Матушка, что нам делать дальше?

Не знаю, — Фан Дицзи подняла голову. — Раньше я знала все, потому что у меня было достаточно информации. Теперь у меня нет ничего.

Чэнь Лян с грустью заметил: Матушка, вы всегда были известны тем, что помогали людям, у вас была прекрасная репутация. Все в цзянху, даже те, кто старше вас, называли вас Госпожой Дицзи и Повелительницей Золотого Меча. У вас были тысячи верных людей по всей стране, а теперь...

Чжан Хуа, стиснув зубы, прошептал: Друзья матушки — все они и его друзья тоже. Те, кому она помогла, в чем-то обязаны и ему. Он на виду, матушка в тени, обычные люди не понимают, что происходит. Она слишком многим была обязана ему.

Фан Дицзи спокойно ответила: Друг — это не тот, кого ты постоянно видишь. Если бы по пути нам не помогали друзья, скрывая нас и передавая внутреннюю энергию, мы бы не дошли досюда.

Ван Цянь с сомнением спросил: Матушка, вы нас разыгрываете?

Тот бедняк, которому я гадала, помнишь? Он отец главы секты Цинфэн, мой старый знакомый. Он только что помог мне немного прочистить даньтянь.

Ван Цянь не унимался: Но я слышал, как вы разговаривали с ним! Как можно говорить во время передачи энергии?

Чжан Хуа улыбнулся: Это говорил не бедняк, а девушка, служившая матушке подушкой, она использовала чрево вещание. Эта девушка — новый глава секты Цинфэн, редкая красавица с добрым нравом и мастерством высшего уровня, одна из кандидаток в жены для второго брата Ван. Идите, братья, вам пора.

Напоследок Ван Цянь спросил: Дядюшка, герцог Вэй, почему он не пришел на помощь?

Чжан Хуа ответил: Дядюшка видит своей миссией истребление всех коррупционеров в стране, он занимает посты и в Министерстве юстиции, и в Цензorate. В его глазах есть только государственные дела, но нет семейных.

Ван Цянь вздохнул: Ненавижу, что гонец, которого я посылал к нему, был убит, иначе премьер-министр не ушел бы от правосудия.

Фан Дици достала из рукава пакетик с порошком: Это смертельный яд. В постоялом дворе хозяин, мой старый знакомый, переоделся, чтобы встретиться со мной, и принес то, что я просила. Можете смело использовать — это то, чем пользуются те люди. Когда он схватил вас двоих, он был переодет в капитана стражи. Он получил сведения, что вы везете бедного монаха, он видел меня, но не узнал. Возьмите с собой три сигнальные стрелы, чтобы отвлечь врагов и подать знак.

Чэнь Лян и Ван Цянь прыгнули с повозки на привязанных рядом лошадей. Чэнь Лян развернул коня и громко спросил: Матушка, вы будете жить?

Фан Дици твердо ответила: Буду!

Ван Цянь просиял: Мы тоже вернемся живыми!

Теперь повозкой правил Чжан Хуа. Спустя некоторое время он тихо спросил: Матушка, вы хотите остаться в столице?

Да.

Почему? Только потому, что там есть надежные места, где можно спрятаться?

Потому что предначертано: в столице я живу, вдали от нее — умираю.

Можно ли верить тому, кто это сказал?

Он предсказал, что мою мать убьют, и ее убили. Он сказал, что я выйду замуж за названного брата, и я вышла. Он сказал, что я пойду по пути разбойников в цзянху, а закончу на официальной службе, и это сбылось. Он сказал, что у меня будет одна дочь и шесть сыновей — если считать вас, так оно и есть. Он предсказал, что я поссорюсь с мужем, а дети станут врагами.

Чжан Хуа едва заметно вздрогнул: Значит, то, что мы вывезли вас из столицы, могло погубить вас? Матушка! Я не знал...

Фан Дици ответила равнодушно: Я знала. Я не виню тебя.

Чжан Хуа с надеждой спросил: А тот человек мог ошибиться?

Он — бессмертный Дало, его не берут ни пули, ни мечи, ни огонь, ни вода, он умеет превращать камни в золото и спасал мне жизнь среди тысяч врагов, — Фан Дицзи усмехнулась. — Если он сказал правду, то так оно и будет. Но кто знает, станут ли бессмертные лгать?

Он может лгать?

Когда он впервые меня увидел, он решил подшутить. Я была в такой ярости, что готова была убить его, а ты знаешь, я редко кого убиваю.

.....

Чэнь Лян и Ван Цянь, оставив Фан Дицзи, развернули лошадей, готовясь встретить премьер-министра.

Ван Цянь огляделся, прикинул варианты и, сжимая в руках пару бронзовых булав, взобрался на столетнее дерево у дороги.

Меч Чэнь Ляна был смазан ядом, наконечники стрел — тоже. Раньше он никогда не пользовался ядом, но ради спасения Фан Дицзи и мести за раздавленного Цзинь У, что значило отравление?

Чтобы утолить ненависть, нужно лично сразить врага.

Что касается мастерства — они были молоды и по уровню тянули лишь на бойцов второго ранга в доме премьер-министра. Но даже лучшие бойцы не знали всех тонкостей охраны и расположения сил, а также того, как подобраться к самому премьер-министру и Госпоже Дицзи. Эти секреты Чэнь Лян и Ван Цянь знали наизусть.

Это был их козырь.

На перекрестке, где неизбежно должен был проехать премьер-министр, Ван Цянь, сжимая булавы, залег на огромном старом баньяне, ветви которого нависали над дорогой, готовый в любой момент прыгнуть вниз.

Чэнь Лян поступил иначе. Он залег на невысоком холме в восьмидесяти шагах. Местность была открытой, не самой подходящей для засады, но он не пожалел свой белый халат, который хоть и был серым от пыли, но оставался опрятным — он принялся тереть его о землю, пока тот не стал сливаться с почвой. Волосы он украсил множеством листьев, воткнув их в прическу.

В руках Чэнь Лян держал любимый лук, подарок матери на восьмилетие. С тех пор он добывал им дичь и славу. Рядом лежали двадцать стрел с оперением, окрашенным под цвет коры, и три сигнальные стрелы.

Вскоре появился отряд стражников. Командир указал на дорогу со следами колес и отдал приказ.

Чэнь Лян натянул тетиву. Стрела, окрашенная соком трав в изумрудный цвет, была смазана ядом. Одним движением он отпустил тетиву, и стрела, подобно вспышке света, пронзила грудь командира. Тот, охнув, свалился с лошади.

В отряде началась паника. Кто-то хотел броситься в погоню, но остальные их остановили. После недолгих колебаний они решили повернуть назад, чтобы доложить начальству.

Чэнь Лян больше не стрелял — у него было всего двадцать отравленных стрел, их нужно было беречь. Он был доволен: яд, который дала Фан Дицзи, нужно было смешать с водой, но воды поблизости не было, и он, не желая тратить питьевую, воспользовался собственной мочой, добавив туда порошок. Идеально.

Вскоре земля задрожала. Чэнь Лян и Ван Цянь, лежа на высотах, увидели, как вдалеке появился огромный отряд, двигавшийся подобно морскому прибою.

Впереди ехал сам премьер-министр — величественный, в сверкающих доспехах, с мечом Тайэ на поясе. Даже Чэнь Лян, несмотря на ненависть, не мог не признать: этот человек, бывший приемный отец, обладал поистине божественной статью. Среди всех сановников и воинов никто не мог сравниться с ним.

Когда премьер-министр поравнялся со старым баньяном, в небо взмыла сигнальная стрела.

Тут же вокруг премьер-министра сомкнулся плотный строй телохранителей — ни одна стрела, ни один комар не могли пробиться сквозь эту стену.

Это был сигнал для Ван Цяня. Отсчитав десять секунд, он прыгнул с высоты десяти метров прямо на премьер-министра.

Стражники с криками Вор, смерть тебе! вскинули копья и мечи.

Чэнь Лян выпустил две сигнальные стрелы, чтобы отвлечь внимание. Все знали, что это сигнал, но никто не ожидал, что нападающих всего двое. Премьер-министр всегда был в первых рядах в бою, и даже сейчас, охотясь на жену, он не изменил себе.

Ван Цянь был в мягкой броне, подаренной Фан Дицзи, поэтому не боялся копий. Он взмахнул булавами, расчищая себе путь.

Между Ван Цянем и премьер-министром оставался лишь один человек. Телохранители плотно прижались друг к другу, но из-за лошадей между ними оставались зазоры. Ван Цянь, оказавшись в центре окружения, использовал короткие булавы, которые в тесноте были эффективнее длинных копий.

Чэнь Лян выпустил стрелу, сразив телохранителя, стоявшего на пути к премьер-министру. У него на глаза навернулись слезы: он знал этого стражника, они вместе росли.

Но сейчас нельзя было поддаваться чувствам — ничто не было важнее Фан Дицзи.

Второй стрелой он едва не попал в премьер-министра, но тот мастерски уклонился, и отравленный наконечник вонзился в руку другого стражника, который тут же упал замертво.

Телохранители узнали Ван Цяня. Они были шокированы: многие из них нянчили его в детстве, другие были друзьями. Не зная истинной причины, они невольно замедлили удары.

Ван Цянь закричал: Премьер-министр убил жену! Небо не прощает такого! Госпожа Дицзи мертва, я пришел мстить за матушку!

В суматохе кто-то пробормотал: Тебе не одолеть нас, и не одолеть его.

Ван Цянь сурово ответил: Даже если умру, я выполню свой долг перед матушкой.

<http://bllate.org/book/21775/2251791>